

**Военные
Приключения**

ОПЕРАТИВНЫЙ ПСЕВДОНИМ "ЛАНДЫШ"

ВЕРА НЕЧАЕВА

Военные приключения (Вече)

Вера Нечаева

**Оперативный
псевдоним «Ландыш»**

«ВЕЧЕ»

2016

Нечаева В. Э.

Оперативный псевдоним «Ландыш» / В. Э. Нечаева — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8602-3

Героиня этой остросюжетной книги о буднях советской разведки направляется на зарубежную стажировку в предвоенную Европу. Всего на три недели. Никто и предположить не мог, что возможность вернуться домой предоставится ей только через много лет, ведь для Ольги война не закончится и после победного мая 1945-го...

ISBN 978-5-4444-8602-3

© Нечаева В. Э., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вера Нечаева

Оперативный псевдоним «Ландыш»

© Нечаева В.Э., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

В детстве я больше всего любила читать, и читала все подряд: полные собрания сочинений русской, французской, немецкой и английской классики, советских авторов и даже Рабиндраната Тагора. В короткие промежутки отсутствия книг я читала то, что попадалось под руку. Однажды меня «нашел» сборник рассказов и повестей, написанных ветеранами МВД и разведки. Особое впечатление на меня произвел рассказ о разведчице с оперативным псевдонимом «Ландыш». Через много лет я решила переосмыслить все, что знаю о разведчиках, и написать рассказ о судьбе девушки, выполнявшей свой долг во имя нашего светлого будущего.

Любые совпадения автор просит считать случайностью.

Сведения, которыми располагает автор, не имеют грифа секретности и доступны всем желающим.

Глава 1

Олечка Николаева бодро стучала каблучками по московской набережной, стараясь не слишком вглядываться в эту красоту. «Права была бабушка, – повторяла она про себя, – ох как права. Как же ей жилось в нашей дыре после таких-то красот? А церквей-то, церквей! И перекреститься нельзя».

Ольга приехала в Москву только утром, сдала чемоданчик в камеру хранения и гуляла налегке, подгоняя себя к институту, куда надо было сдать документы непременно сегодня. Все справки и документы она зашила в лиф клетчатого платья, что почти на размер увеличило ее девичью грудь.

В документах, которые девушка несла в институт, значился тысяча девятьсот девятнадцатый год рождения, на самом деле это был двадцатый. То есть сейчас, в тридцать седьмом году, ей было всего семнадцать.

Там, где она жила когда-то с родителями, было сытно и хорошо. А главное – они все были вместе: мама, папа, бабушка и гувернантка фрейлейн Матильда. Потом все изменилось.

Однажды отец вернулся с работы раньше обычного и ушел к себе в кабинет, отказавшись от обеда и чая. Ели в тишине. Ляля, мама, бабушка и фрейлейн Матильда старались не нарушать тишины, понимая, что папа занят и ему нельзя мешать. Такое редко, но уже случилось в их доме.

Первой папа позвал в кабинет жену. Они говорили недолго, но маман вышла в слезах. Потом были фрейлейн Матильда и бабушка. О чем говорили взрослые, Ляля не догадывалась, но по большому секрету сообщила любимой кукле, что, наверное, кто-то напроказничал.

– Вот видишь, моя дорогая, – доверительно-строго говорила она кукле. – Вести себя надо хорошо, иначе смотри, что получается.

Потом бабушка позвала маман в спальню. Ляля не слышала, о чем они говорили, только неожиданно громко зарыдала маман.

Папин кабинет оставался закрытым до темноты. В него по очереди вновь и вновь входили то маман, то бабушка, то фрейлейн. Наконец, вышел папа.

– Ляля, мы с мамой должны уехать...

– Я поеду с вами? – перебила отца Ляля. – Ура!

– Нет, детка, мы с мамой должны уехать одни. А ты останешься с бабушкой и фрейлейн Матильдой. Я прошу тебя, девочка моя, слушайся их во всем...

Отец говорил еще что-то, но Ляля его не слышала – она поняла главное: родители уезжали без нее.

– Мамочка, – бросилась она к маме. – Ты не можешь взять меня с собой? Я буду очень хорошо себя вести. Честное слово. Пожалуйста.

Ляля говорила с мамой на русском, немецком и французском языках. Сейчас она повторила просьбу на всех известных ей языках, в надежде быть услышанной. Мать плакала все горше, все ниже склоняя голову.

– Ляля, подойди ко мне, – попросила бабушка. – Я хочу тебе что-то сказать. Сядь вот сюда и послушай меня.

То, что сказала бабушка, навсегда изменило жизнь девочки.

– Случилось так, Ляля, что твой папа должен срочно уехать. Он может взять с собой только одного человека, взрослого, естественно. Я уже старая. Фрейлейн Матильда решила остаться с тобой. Твоя маман очень хочет остаться с тобой. Но ты же не оставишь папа одного? Ему будет проще, если с ним поедет она. Понимаешь? Пожалуйста, Ляля, отпусти их. Иначе сердце маман разорвется от горя. Прошу тебя, девочка моя! Когда-нибудь, может быть, ты встретишься с ними. А мы с тобой, детка, тоже уедем отсюда.

– Правда? – как за соломинку схватилась Ляля за эти слова. – А когда они вернуться? Скоро? А мы куда поедем?

– Не знаю, внученька. Но... Мы говорим с тобою как со взрослой девочкой. Родители могли бы просто уехать и ничего тебе не сказать.

Ляля отпустила родителей и даже перекрестила на дорожку как взрослая умная девочка. Ей было в ту пору шесть лет. Но она навсегда запомнила машину, которая увозила их из дома в густую темноту, рыдающую мамочку с куклой в руках – Ляле игрушку нельзя было брать с собой, и слова отца:

– Ляля, доченька, теперь все изменится в твоей жизни. Слушайся бабушку и фрейлейн Матильду. Бог даст еще свидимся. Бабушка тебе все расскажет, когда подрастешь.

Через час другая машина увезла из дома бабушку, Лялю и фрейлейн Матильду.

Мужчина, представившийся Николаем, встретил их в поле.

– Значит так, товарищи женщины. Срочность вашего отъезда объясняется просто – убит командир Красной армии товарищ Николаев и его жена. Вот его семью вы и будете изображать. У него никого больше не было, но про это почти никто не знает точно. Я рассказал его товарищам про вас. Сядете в поезд между станциями. В купе закроетесь, и будете плакать до конечной остановки. Чай китайский никому не показывайте, а то проводники мигом все сообщат. На нужной станции я вас встречу и провожу. Вы, мамаша, теперь Мария Игнатьевна. Вы уж проследите, чтоб все хорошо было. И фрау свою просите молчать. Ну а с девочки спрос невелик. Если что, скажите, что не поняла про отца.

– И про мать? – уточнила бабушка.

– Товарищ Николаев год как женился, так что это точно не ее мать. Будем считать, что дочь от покойной жены. Хорошо? А вы его мать. А это его сестра. В поезде могут быть люди, которые помнят товарища Николаева. Надо говорить им, что вы много лет не виделись. И свидеться не пришлось. А лучше молчите и дверь никому не открывайте. Так, внимание, скоро поезд подойдет.

В купе Ляля провалилась в сон и спала, пока яркое солнце в окне не разбудило ее почти в полдень. опережая первое слово внучки, «Мария Игнатьевна» начала говорить странной скороговоркой, указывая девочке подбородком на верхнюю полку, где возлежал странного вида мужик.

– Шо вы так лопочете странно, а эта дура совсем молчит? – спросил он, спуская ноги с полки. – И вещей у вас многовато. Вы кто?

– Я – мать командира Красной армии, а это его семья. Я не понимаю – кто вы?

Заглянувший на шум проводник ахнул:

– Товарищи женщины, простите. Недоглядел. Это... проводник... спит иногда в пустом купе. А ну слезай...

– Слава богу, – прошептала бабушка, когда проводники вышли. – Мы чуть не начали разговор при нем. Олюшка, смотри, у нас даже свой туалетик есть и умывальник. Потом нам чаек принесут. Я ватрушечек с собой взяла. Ты же любишь? Фрейлейн?

Матильда кивала головой, будто понимала.

– Я много плакать ночью, – сказала она тихо по-русски. – Но не жалеть. Нет.

Через много лет Оля поймет, какую жертву принесла эта женщина ее семье, лично ей. Как жутко этой чужестранке было оставаться вдали от родины, где ее никто не понимал, где она была нужна только маленькой девочке и старухе.

– Я вас буду называть Матренушкой, иногда Мотей, – по-немецки обратилась бабушка к фрейлейн Матильде. – Вы мне отвечайте губами, я пойму. Говорить будем только наедине. Если кто услышит – все, конец нам. С Олюшкой будете заниматься вечерами, а я посторожу, чтоб никто не подслушал. Ты, Олюшка, поняла, что это теперь твоя тетя Матрена? А я?

– Мария Игнатьевна, – я помню. А почему нельзя по-старому? – девочка была в хорошем настроении, ей почему-то казалось, что туда, куда они едут, уже добрались родители, и они встретятся, чтобы уже не расставаться.

– Это долго объяснять. Позже сама поймешь, – бабушка говорила спокойно, но чуткое детское ухо улавливало дрожь в голосе, заминки почти в каждом слове.

– Хорошо-хорошо. Пойму.

Они ехали почти неделю, пока однажды ночью не высадились в поле, предварительно в спешке собрав вещи по приказу проводника.

– Доброй ночи, товарищи женщины, – окликнул их Николай. – Нас уже ждет подвода. Садитесь.

– А вы как сюда добрались? – спросила Мария Игнатьевна.

– В соседнем вагоне, подстраховывал вас. Вдруг что не так. Садитесь и поехали. Нам до света надо добраться в поселок. Говорите смело, вокруг никого. Возница дома спит.

– Куда мы едем?

– Нашел я вам поселок, почти городок. Школа есть. Больничка. Часовня. В нее ходить нельзя. С попом дружбу не водить. Будете жить в бревенчатом доме, на втором этаже. На первом – что-то типа библиотеки. Шить умеете? Хорошо. От старых жильцов машинка осталась. Будете строчить и зарабатывать. Что с Матреной делать не знаю. Пусть шьет. Это лучше всего. Ну а Оля в школу пойдет. Я к вам буду заезжать. Редко. И дам вам свой адрес – пишите, если что-то случилось. В письме называйте меня братом. «Здравствуй, брат Николай. Давно не было от тебя письма». Вот как-то так, понятно? По-деревенски. И «ждем в гости на именины» – это значит, что мне надо срочно появиться. На крайний случай дам другой адрес. Да, и еще. Прежде чем выйти на улицу, посмотрите во что люди одеты. Продуктов вам немного припасли. Топить умеете?

Ничего такого бабушка делать не умела, зато фрау Матильда была на высоте: она справилась и с печью, и с горшками, и с нехитрой едой из допотопных продуктов.

Первые платья сшили себе.

– Надо экономнее материю тратить. Здесь такой нет, да и не скоро будет. Я свое черное платье перелицую, мне и этого довольно. А Олечке надо будет сшить – на днях в школу поведу. Сошьем два одинаковых. Чтоб в порядок приводить. Девочка ведь. Испачкаться может.

С этого момента девочке всегда шили два одинаковых платья. Пару дней Оля носила одно, а потом второе, пока первое проветривалось, отутюживалось.

– Девочка всегда должна быть аккуратной. Это закон, – бесконечно повторяла бабушка. Первая клиентка появилась в школе.

– Ой! Какое платье! – ахнула учительница, разглядывая Олю. – Я бы такое сама носила...

– А у вас материя есть? – ласково спросила бабушка. – Мы бы с дочкой вам пошили. Ну, какие деньги? Мы с удовольствием. Приходите.

Полушерстяной отрез непонятного цвета был дополнен кружевным воротничком и манжетами, связанными фрейлейн Матильдой. И что самое главное – платье было на шелковой подкладке, а значит, хорошо сидело, холодило летом и грело зимой.

– Вы кружево снимайте и стирайте хоть каждый день, а потом пришивайте обратно, – рассказывала бабушка обомлевшей от неожиданного счастья учительнице. – Как вам идет! И цвет ваш. Строгий, но вы же учительница. Мы подкладочку шелковую пришили. Можете ее под другие платья поддевать. Вот так снимается, а вот тут закрепляется. Носите на здоровье. Олечка только про вас и рассказывает. Полюбила она вас. Это и понятно – без матери растет.

Оля чуть не рассмеялась: уж очень трогательно бабушка рассказывала. Учительница была, конечно, неплохой, но любви точно не вызывала.

– Она славная девочка, ваша внучка. Немного странная, правда. Не знаю, как вам объяснить...

Бабушка терпеливо ждала объяснений, продолжая доброжелательно улыбаться.

– Не развит в Оле дух коллективизма. Понимаете? Она все время особнячком стоит. В делах класса не участвует. К детям не тянется. И они к ней тоже. Понимаете? Читает она, конечно, лучше всех, и пишет, но никому помочь не хочет. Я ей говорю – позанимайся с соседом по парте. Он еще не все буквы знает. Ты ему помоги. А она молчит и улыбается.

Учительнице хотелось добавить – вот совсем как вы сейчас, Мария Игнатьевна.

«Вроде простые люди, – думала она по дороге домой, прижимая к груди драгоценное платье, завернутое в бумагу, – а тетей Машей не назовешь – язык не поворачивается. Строгие они. Может, староверы? А может...»

Даром сшитое платье обязывало относиться к девочке снисходительнее, что быстро вошло в привычку.

– Оля, почитай сказку вслух, а я пока тетради проверю.

Тетрадей, конечно, не было. Листочки бумаги, которые удавалось найти, скреплялись вместе сургучом или сапожным клеем. Писали карандашами и старыми перьями, да и тех не всем хватало.

Оля читала медленно. Во-первых, чтобы не показывать, насколько она грамотная, а во-вторых, она думала на немецком, что немного затягивало процедуру произношения русских слов.

– К Первому мая – не знаю, что за праздник такой, свяжем твоей учительнице новый воротничок в подарок. Пусть порадует.

Бабушка к весне обшивала почти всех женщин в поселке. Именно женщин, а не баб, как многие себя именовали.

– Пусть не дамы, но с понятиями. Пусть с дикими, но все же, – любила повторять она, разглядывая очередной отрез. – Ума не приложу, как можно будет в этом в люди выйти. Надо уговорить блузку сшить, а юбку из шерсти...

За шитье одаривали продуктами, причем скуповатым и прижимистым клиенткам повторный вход был заказан.

– Вы только посмотрите – варенье принесла! Банка вот-вот взорвется! Мы ей юбку отдали, а платье и начинать не буду. Пусть забирает материал и сама себе шьет. Она еще и за банкой придет, вот посмотрите.

«Немая» Матильда редко выходила на улицу: зимой смотрела в окно на сугробы почти до крыш, летом стояла возле порога, сиротливо прижимаясь к дверям.

– Я знаю, что поступила правильно, – говорила она старухе, когда Оля засыпала. – Мне нечего делать в родном краю, меня никто там не ждет. Бог послал мне испытание, надо все выдержать. Не может быть иначе. Не знаю только, что будет, когда наша детка вырастет?

Дядя Николай навещался сперва пару раз в год – всегда неожиданно, ближе к ночи, чтобы утром уехать. Потом раз в два года. Письма ему бабушка иногда писала – боялась остаться без поддержки, но позвала только раз – когда неожиданно умерла Матильда.

– Осиротели мы с тобой, Олюшка, – причитала бабушка. – Как же мы без нее? Я старая, ты еще ребенок. Что с нами будет?

Оля вспоминала, как фрау Матильда неожиданно подносила руку к сердцу.

– У меня всегда был больной организм, – извинялась она за минутную слабость. – Меня поэтому и замуж не взяли. Кому нужна больная жена?

Оля знала эту историю в деталях, но всегда слушала ее как в первый раз, потому что, становясь взрослее, понимала свою гувернантку все лучше и лучше.

– И тогда мой Альфред сказал: «Прости меня, но я должен жениться на Рут. Ведь она сестра моей жены и будет хорошей матерью моему сыну». Младенец умер еще до их свадьбы, но Альфред все равно женился на Рут, такой же долговязой, как ее покойная сестра. И я думаю, что больше всего он боялся потерять кусок земли, что принесла ему в приданое его

первая жена. Мне было очень горько, но потом появились твои родители. Я думала, что они немцы, приняла их предложение. Помню, как мы ехали на поезде так далеко-далеко, и постепенно Альфред стирался из моей памяти. Хотя... Шрам остается на сердце, когда рана зажила¹. А потом родился твой брат. Он умер, когда маман ждала тебя. А потом мы уехали из Петрограда в Москву, и все дальше и дальше от моей далекой родины. Знаешь, мне никто ни разу не написал. Первый год я часто писала родителям и сестрам. Твой папá с кем-то передавал письма и даже посылочки, но мне никто так и не ответил. Твой папа шутил, что надо посылать письма с уведомлением. И вот однажды я попросила у твоих родителей немного денег вперед и отправила их на родину. Я так волновалась. Так ждала письма. Но мне снова никто не написал. А твоему папá сообщили, что деньги доставлены и что мой фатер спросил, как часто я буду присылать деньги. Ему надо было знать точно, потому что он хотел выдать замуж мою младшую сестру. Понимаешь, я надеялась, что отец отложит эти деньги для меня. А он, как всегда... Ну а потом произошло все это и денег не стало вообще. Твои родители предложили мне пойти в посольство, но я решила, что никому не нужна ТАМ. Никому. Даже моему Альфреду.

Умерла Матильда после обеда. В последние время она ела совсем как птичка, а в тот день сидела за столом, безвольно уронив руки и странно улыбаясь.

– Я сегодня видела во сне твоего братика. Он сказал, что я скоро начну учить его немецкому. Я согласилась.

– А на каком языке вы говорили? – уточнила Оля, занятая своими мыслями о ненавистной школе.

– Не знаю. Но мы понимали друг друга...

– Давно не поминали, – отозвалась бабушка. – Вы бы полежали после обеда. Я сама все уберу.

Полежать гувернантка не успела, рухнув, как подкошенная, возле стола. Бабушка бросилась на почту и вызвала Николая. И только после этого горько зарыдала над бездыханным телом своей «Матрены».

– Помогите похоронить, – попросила она Николая. – И что с именем-то делать? Как-то неловко – Матильда она.

– Богу все равно, людям тем более. Я все сам сделаю, вы только стол накройте, чтоб соседи пришли. Иначе заподозрят неладное.

– А...

– Весточки нет. Я б сразу примчался. Жалко вашу Матильду, но что поделаешь...

Оля не представляла, как много для нее значила «тетя Мотя». Кто мог еще ждать ее у окна, нетерпеливо одергивая занавеску? Кто долгими ночами, когда им обоим не спалось, рассказывал сказки и быль про чужую незнакомую жизнь, которой Оля начинала грезить? Ей давно казалось, что она была в этих странах, жила с этими людьми... Кто...

На поминках Оля поклялась, что когда-нибудь обязательно отыщет этого Альфреда и скажет ему все, что думает про него.

– Бабушка, я отомщу за нее, я обещаю!

– О чем ты, родная моя? Дай Бог уцелеть самим. Вспоминай ее, и хорошо будет.

Перед самым окончанием школы слегла бабушка.

– Олюшка, если я... совсем заболею, вызывай дядю Николая. И делай все, как он скажет. Я старая. Мне уже пора... туда. Сними с меня медальончик. Носи на здоровье. Помнишь, откуда Матильда?

– Да, она...

– Так вот, в этом городе есть банк, в медальоне все написано. Там в ящике таком специальном для тебя оставлены деньги. И может быть письмо от родителей. Понимаешь меня? Если

¹ Немецкая пословица «Die Narbe bleibt, wenn auch die Wunde heilt».

когда-нибудь уедешь из этой страны, поезжай... туда. Может, и родителей найдешь. Но про это никому, понимаешь, никому не говори. Николаю тоже. И еще. Все прочитай и бумажечку эту сожги. Запомни, а потом сожги.

Однажды бабушка перестала просыпаться, и Оля вызвала Николая. Он приехал быстро и мгновенно оценил ситуацию.

– Значит так, Оля. Надо жить дальше. Собирайся в дорогу.

– А как же... все? А бабушка?

– Завтра пойдешь в школу, досдашь, что еще не сдала. Документы получишь и уедешь. А за твоей бабушкой я поручу поухаживать. Соседи знают, что она болеет?

– Нет. Мы ни с кем...

– Это правильно. Ты в комсомол вступила?

– Да, – Оля замялась. – Только у меня испытательный срок. Надо активность повысить.

– Вот в поезде и повысишь. Я тебе нужные книжки дам, будешь читать.

– А как же бабушка?

– Оля, я все понимаю. Но тебе здесь оставаться нельзя. Надо уезжать. Ты что думаешь, люди не видят, что вы всех стороните? Ну, пока с бабушкой жила – это туда-сюда, а одна? Не сомневайся, мы с твоей бабушкой обо всем давно договорились.

Через сутки пассажирский поезд увозил Олю в Москву. В чемодане лежало платье и пальто, в лифе – документы, в холщовой сумке – книги: «Манифест» Карла Маркса на немецком, «Избранные труды» товарища Сталина и «Памятка комсомольцу», которую надо было выучить наизусть за дорогу.

– Я тебе Маркса дал, чтоб твой немецкий объяснить, если что. Значит, запоминай. Учиться будешь в педагогическом. Любая специальность, кроме иностранных языков. Иначе заметят сразу. Начнутся расспросы. Я тебе справку сделал, что ты дочь погибшего командира Красной армии. Возьмут без экзаменов. Жить в первое время будешь у моей знакомой. И помни – лишнего не говори. Если спросят про немецкий, скажи, что соседка знала язык. Деньги пришлю на Главпочтамт. Немного. На первое время хватит, – дядя Николай торопливо говорил все это на перроне. – Тебе бабушка про родителей рассказывала?

– Нет. А что? – встрепелась Оля.

– Не ищи их. Они далеко. Если вернуться, найдут тебя.

– «Если»?

– Ну, когда-нибудь. В командировке они. Помни, ты дочь погибшего командира... Ну, прощай, Оля. За бабушку не волнуйся.

В душном и тесном общем вагоне, где было страшно не только спать, но и просто находиться, Оля думала о брошенной беспомощной бабушке. Вспоминала, как увещевал ее дядя Николай уехать.

Через четыре дня на рассвете, внезапно проснувшись, Оля отчетливо увидела силуэт бабушки в окне.

– Отмучилась я, внученька. Одна ты осталась. Помни, ты должна жить. Может быть, с родителями свидишься. За границей они. Нельзя было тебе рассказывать. Если попадешь в тот город, найди банк. Весточку получишь...

Силуэт растаял. И в этот момент Оля поняла, что бабушка говорила по-немецки.

Слезы высохли только в Москве. Да и в вагоне плакала украдкой, чтоб не лезли, не спрашивали.

В институте предложили написать диктант.

– Вы нас поймите, девушка, мы вас примем, а вы безграмотная. Может, сперва на рабфаке поучиться надо, а потом к нам.

Диктант Оля написала на «отлично» и была записана на первый курс по специальности русский язык и литература. Жить устроилась у знакомой дяди Николая – Анны Семеновны.

– Живи, – сказала женщина неопределенного возраста, такой же внешности и занятий. – Денег не надо. Хлеб покупай, я не успеваю. А лучше готовь. Я Николаю должна. Так что живи.

Оля так и не поняла, что ей было бы выгодней: кормить или платить. Так и кормила. Остаток лета провела в институте, где начались вступительные экзамены.

– Ты бы в уборщицы попросилась, деньги скоро кончатся. Эти... в институте думают, ты святым духом питаешься.

Первого сентября началась новая жизнь. Занятий было много. Но это Олю не тревожило – она любила заниматься. Угнетало другое: почти каждый день было какое-нибудь собрание. То комсомольское, то курсовое, то групповое. Уход с них равнялся отчислению.

– Какое у тебя в школе было комсомольское поручение? – спросил комсорг факультета Михаил Лосев после первого же собрания.

– Я... У меня... Мне поручали заниматься с отстающими. Поэтому и рекомендацию сюда дали.

– А сама куда хотела? – продолжал допрос комсорг.

– Да мне с пятого класса так говорят, – отшучивалась Оля, хотя то, что она говорила, было правдой – ничем другим в школе ее занять не смогли.

– Тогда так. Через месяц картина станет ясной. Начнешь заниматься с кем-нибудь. Но серьезно. Дневник будешь вести и отчитываться. Понятно? – долговязый Миша бдительно следил за всем факультетом, но особенно «отличал» симпатичных девушек.

Оля согласно кивала головой.

Заниматься можно было сразу со всеми: группа была аховая.

– А что ж ты хотела? – удивлялась Анна Семеновна рассказам Оли. – Чтоб взяли без экзаменов и в хорошую группу? Так не бывает. Старайся. Может, и выплывешь куда.

В группе было «целых» два парня: одному досталась должность группкомсорга, другому – старосты. Девушки были, как и Оля, из далеких сел и таких же городков. Все они были неинтересными во всех смыслах этого слова. Они старательно учились, бесконечно прихорашивались всеми доступными средствами, были безмерно болтливы и бескрайне любопытны.

– Олька, ты чего в читалку не ходишь? Все одна да одна. И живешь не в общежитии. У нас знаешь, как весело?

Оле хотелось ответить, что ей сполна хватает «веселья» на занятиях, но она отшучивалась и старалась все перерывы провести наедине с книгой, чтобы не вступать в дурацкие, на ее взгляд, разговоры.

Два предмета довлели над всеми: история партии и иностранный язык. Обе кафедры зверствовали, каждая по-своему. С историей помогла Анна Семеновна.

– У меня есть конспекты, можешь взять себе, – предложила она, отдавая множество школьных тетрадок, по одной-две на каждый первоисточник. – Смотри – это конспект, а это объяснения.

Оля быстро научилась подделывать почти каллиграфический почерк своей хозяйки, освободив себе массу времени.

– Ты совсем иначе пишешь, – удивлялся комсорг группы, разглядывая очередную тетрадку.

– Я обычно не очень стараюсь, но разве можно товарища Сталина конспектировать небрежно?

Комсорг отстал. Зато полюбил задавать вопросы преподаватель. Почти все ответы были записаны у нее в конце тетрадки.

– Эти вопросы им на курсах диктуют вместе с ответами, – комментировала Анна Семеновна. – Одни сочиняют, другие задают вопросы, третьи – отвечают. Из головы вопросы опасно задавать – можно не то услышать.

С немецким был «провал»: группа языка не знала совершенно. Начали с алфавита. Оля умирала от скуки, почти засыпала на занятиях, но боялась, что скоро придется открыть рот и заговорить.

Дома Оля почти всегда была одна: хозяйка пропадала на работе.

– Анна Семеновна! – спросила Оля как-то. – А где вы работаете?

– Я тебя не спрашиваю, откуда ты знаешь товарища Николая. И ты не лезь в мои дела. Работаю. Честно и добросовестно. А ты бы лучше газету почитала. Сегодня была интересная статья...

Оля начала читать газеты.

– Учись понимать, что хотели сказать читателю. Что, так сказать, донести в массы. На что нацелить. Комсомолыцы должны готовиться к новой жизни, понимать ее задачи, видеть врагов. Иначе нельзя.

И вскоре девушка действительно научилась правильно читать, понимая, что ждут от нее Родина и партия.

– Придет время – дам тебе рекомендацию в партию. Если не скурвишься, конечно. Вот скажи, почему сейчас, когда страна наконец пришла в себя, обнаружилось столько врагов нашего дела? Почему столько лет мы доверяли этим людям? Не знаешь? А должна. Помни, враг всегда незаметен. Нужно быть бдительным. Иначе...

Первое время Оля думала, что Анна Семеновна так проверяет ее, потом поняла – нет, это была глубокая вера ее хозяйки – искренняя и выстраданная. Хватило ума не возражать.

– Ты что-то странное во сне бормочешь, – сообщила ей Анна Семеновна через какое-то время. – Слов не разберу.

У Оли упало сердце.

– Это я к занятиям готовлюсь, учебник под подушку кладу.

– Ну-ну.

Анна Семеновна была уверена, что слышала немецкие слова, язык она еще хорошо помнила, но ничего не выспрашивала. Товарищ Николай в письме намекнул, что девушка непростая, лишних вопросов задавать не надо.

А Оле пришлось учиться засыпать после Анны Семеновны, которая долго-долго ворочалась, вставала покурить в форточку, отчего сон вообще исчезал.

Когда деньги испарились, Оля пала духом.

– Так. Понятно, – вынесла вердикт Анна Семеновна. – Убираешь комнату, в очередь коридор, а я тебя кормлю. Кстати, отоварь-ка мой паек.

В пайке нашлись тушенка, сахар, папиросы, чай и зеленый кофе.

– Ну вот и живем. Кофе в другой раз не бери. Лучше папиросы. И сгоняй в деканат. Тебе стипендию должны платить повышенную. Напомни, кто твой отец. А то окопались всякие, забыли, кто за них кровь проливал, жизнь отдавал.

Теперь денег хватало на хлеб, трамвай и даже на кино, куда они ходили вместе с Анной Семеновной.

К декабрю группа научилась читать на немецком. Стало еще тоскливее. Было просто невозможно слушать исковерканные слова.

«Как она терпит, – думала Оля, разглядывая молодую симпатичную преподавательницу. – У нее, наверное, все кипит внутри».

– Камрад Ольга, – тотчас раздался голос женщины. – Вы бы внимательнее слушали. Скоро и до вас дойдет очередь. А вы, может быть, еще хуже будете произносить слова.

И куда подевалась теплая улыбка и симпатия преподавательницы? Откуда взялось столько неприязни?

– Слушаем вас, камрад Ольга. Прочитайте тот же абзац. Вы знаете, что такое абзац?

Оля кивнула и начала что-то испуганно лепетать.

– Громче, не стесняйтесь! – ехидно сказала преподавательница. – У вас только что было такое хорошее настроение. Что же вы?

«Действительно, – подумала Оля. – Что это я?»

Но голос не подчинялся ей.

– Вы не готовы? Жду вас после занятий!

Преподавательница отвернулась от Оли, продолжая так же улыбаться.

«За что она меня так?» – пронеслось в голове у Оли, а вслух она сказала по-немецки:

– Я хорошо готова к занятию. Но с удовольствием приду к вам еще раз. Уточните, пожалуйста, время.

Женщина вздрогнула, но промолчала. Лишь в конце занятия, когда Оля проходила мимо нее, неожиданно спросила на немецком:

– Вам, вероятно, очень скучно на занятиях? Я поговорю о вас на кафедре. Вы стараетесь, это заметно.

– Благодарю вас. Но меня все устраивает, – ответила Оля и ушла.

Это слово – «стараешься» – несло отовсюду. Результаты были не так важны. Главное, чтобы было заметно старание, которое, как известно, легко имитировать.

На следующем занятии Олю попросили сходить за мелом в преподавательскую. В тесном кабинете Олю уже ждали.

– Проходите, Ольга, – на немецком начал разговор мужчина. – Представьтесь и расскажите о себе.

Отступать было поздно. Мужчина задавал вопросы, женщина попросила почитать и написать под диктовку.

– Как писать? Могу готическим шрифтом. Могу простым...

– Дома говорили на немецком? – спросил мужчина.

– Нет. Что вы! Я в школе ходила в кружок. Почти каждый день...

«Это ты, положим, врешь, – подумал мужчина. – но неважно».

Мужчина говорил на правильном немецком, без акцента, очень просто. А вот женщина знала язык потрясающе.

– Ты слышишь разницу между нами? – спросила она Олю.

– Да. Вы говорите на каком-то диалекте...

– Правильно. А какой диалект у тебя?

– Не знаю.

Это тоже была ложь. Оля знала, что говорит даже не на немецком, а на швейцарском немецком, который отличается и произношением, и выражениями, и даже некоторыми словами и оборотами.

– Я хочу предложить вам, Оля, позаниматься языком на нашей базе. С институтом я договарюсь.

– А как же сессия?

– Если вы окажетесь нам полезной... Неважно. Будет видно. Жду вас в воскресенье возле станции метро «Арбатская» в девять часов. А сейчас идите на занятие. И никому ничего не рассказывайте.

– А как же мел?

– Ах, да! Мел! Пожалуйста.

Мела никто в классе не ждал, вопросов не задавали.

Анна Семеновна на отъезд отреагировала спокойно.

– Вещи все забирай. Не хочу, чтоб приезжали и рылись тут у меня. Не подойдешь – хорошо, возвращайся.

В воскресенье рано утром к дому Анны Семеновны подъехала машина. Оля, увидев знакомого мужчину, вышла сама.

– Слушай, Оля, – напутствовала ее Анна Семеновна. – Я таких номеров машин не знаю. Будь осторожна.

Больше они не встретились.

Ольгу привезли за город, на какую-то дачу: небольшая территория, высокий забор, бревенчатый дом.

– Вы сразу с чемоданом? Может, и правильно, – в машине сказал мужчина. – Вопросов не задаете – тоже правильно.

В доме было несколько человек, но их присутствие скорее угадывалось.

– Вот ваша комната. Располагайтесь. Скоро позовут пить чай.

К чаю спустились трое: Оля, ее провожатый и средних лет женщина. Разговорились на немецком.

– Предложите нам чай. Будьте хозяйкой, Ольга, – произнесла женщина – несомненно немка.

Оля сделала все так, как делали бабушка и Матильдочка. Она аккуратно размешала заварку ложечкой, нашла салфетку, вдела ситечко в носик чайника. Приятным, как любила повторять бабушка, голосом Оля позвала всех к столу, слегка поклонившись. Стоя налила чай в чашки, открыла сахарницу и взяла в руки молочник.

– Может быть, фрау желает сливки? Не уверена, что они есть, но могу спросить. Еще сахар, герр?

Мужчина вопросительно посмотрел на женщину.

– Безукоризненно, – ответила она. – Как в лучших домах Германии. Даже голос меняет за столом. Кстати, что вы будете делать с этим пятном на салфетке? – уточнила она у Оли.

– Замочу в холодной воде, потом капну перекись. Она всегда есть в аптеках.

– А потом?

– Накрахмалю и поглажу.

– А если пятно останется?

– Вышью что-нибудь белыми нитками.

– Вы свободны, – сказал мужчина.

Обед Оле принесли в комнату, вернее, поставили поднос под дверь. Вечером позвали гулять.

– Самое время познакомиться, – начал мужчина, когда они отошли от дачи метров сто. – Меня зовут Олег Михайлович. Мы с вами пройдемся немного и поговорим. Если не возражаете, на русском.

Только тут Оля заметила, что за ними следует человек, да и впереди идет мужчина с собакой.

– Итак... Вы владеете немецким. Знакомы с их культурой быта. Про семью не спрашиваю, мы уже навели справки. Меня интересует другое – кто дома говорил на немецком?

– Соседка, – Оля ответила так, как научил ее дядя Николай.

– Допустим. А она откуда знала?

– Я не спрашивала. Мне казалось, что это обычное дело, что ли. А ей было приятно с кем-то поговорить.

– А писать, читать? – продолжал расспросы Олег Михайлович.

– Это уже в школе. У нас был кружок, его вела учительница труда. К ней, кроме меня, никто не ходил. Вернее, сперва ходил почти весь класс, а потом осталась я одна.

– Ваша соседка и учительница общались между собой?

– Нет. Они даже не были знакомы. Я как-то не догадалась их познакомиться. Понимаете, учительница думала, что это она меня научила так быстро говорить.

– То есть ты лукавила, – перешел на «ты» Олег Михайлович.

– Немного. Вы правы.

Они погуляли около часа, разговаривая о незначительных, по мнению Оли, предметах, и в полной темноте вернулись в дом.

Целую неделю Оля занималась с немкой: накрывала на стол, стирала, вышивала, читала...

– Помни главное: во всем должен быть идеальный порядок. Белый крахмальный передник. Хорошее мыло на видном месте. Обмылок – в стирку. Ничего не должно пропадать. Покупать надо всегда в одном месте. Сначала спрашивай цену. Качай головой. Все должно казаться дороговатым. Любуйся природой. Восхищайся чужими детьми. Понимаешь? Бесконечно хвали кошку, собаку... Так принято. И никаких серьезных разговоров.

– Дитя мое, – однажды вечером сказала фрау. – Я не стану рассказывать господину Олегу про то, что я поняла о тебе. Ты росла с прислугой – это очень заметно. У тебя дома все говорили на немецком. Ты росла в нашей культуре. Это не мое дело, но будь внимательна. Иначе к тебе возникнет слишком много вопросов. А мне почему-то кажется, что тебе не захочется на них отвечать.

– Спасибо, фрау.

– И еще. У тебя отчетливое швейцарское произношение. Очень четкое. И ты не склонна перенимать чужое. А это свидетельство того, что ты говоришь на этом языке с рождения. Я права?

– Не знаю, фрау. Я умею говорить только так.

Потом все куда-то исчезли. И Оля терзалась сомнениями. Через пару дней снова появился Олег Михайлович.

– Собирайся. Мы уезжаем.

– Я вернусь в институт? – обрадовалась Оля.

– Нет. Мы поедем на базу, где с тобой будут заниматься другие люди. Ради собственной безопасности не рассказывай, где ты была и что видела. Хорошо? Ни при каких обстоятельствах не узнавай нас.

– Простите?

– Я имею в виду на улице, где-нибудь еще. Если только на это не будет дополнительной команды. Это понятно?

– Да.

Бабушка еще в детстве научила Олю говорить кратко и отвечать только на поставленный вопрос: «Спрашивают на улице, куда идешь? Отвечай – в школу. И все. Без деталей: первый урок математика, второй – история».

Ехали долго, сначала через пригород, потом через всю Москву. Приехали за полночь. На крыльце дома, похожего на барак, Олю встретила грузная женщина и провела ее на второй этаж.

– Это твоя комната, – не слишком приветливо по-русски сказала она. – Туалет в коридоре. Стучись. Душ там же. Полотенце дам. Суши у себя. Раздетая не бегай. Все.

Душ... Это благословение божье для человека, который мылся всю жизнь в тазике, экономя каждую каплю теплой воды.

«Какое счастье! – думала Оля. – Жаль мыла нет хорошего».

Утром Олю вызвали. Встреча с куратором, так следовало именовать солидного и строгого дядечку в военной форме без знаков отличия, произошла в беседке. Наверное, вокруг было красиво. Но сейчас все утопало в огромных сугробах.

– Что ж, Ольга. Будем работать. Характеристики на вас получили. Ваши дядя с тетей – партийные работники. Отец – командир Красной армии, геройски погиб. Домохозяйка – член партии с дореволюционным стажем, знакомая дяди. Заниматься будете с профессором из Германии. Главное – это язык и его тонкости. А еще манера поведения. Я бы сказал – ожидаемое поведение. Это понятно?

– Да.

– Вопросы?

– Для чего все это? – Оля постаралась убрать из голоса тревожные ноты, у нее получилось.

– Думаю, вы догадываетесь сами. А тонкости – это потом. Еще слишком рано о чем-то говорить. Я только напомню, что при поступлении в институт вы подписали бумагу о том, что обязуетесь поехать по распределению в любую точку. Считайте, что вас досрочно распределили. Еще вопросы? Вы свободны.

И потянулись дни в беседах с господином профессором.

– Зови меня просто – герр профессор. Не засоряй память лишними именами, дитя мое.

Говорили обо всем: театр, книги, архитектура. Оля много читала, в том числе немецкие газеты.

– Немецкая девушка читает газеты, потому что сейчас так принято. И полностью одобряет действия фюрера. Даже если у нее уже погиб брат или жених. Они погибли за великую Германию и фюрера.

Профессор не очень нравился Оле. В нем была какая-то затаенная насмешка, прикрытая учтивостью и вниманием. Она это чувствовала, и ее часто охватывало раздражение и желание сказать какую-нибудь колкость. Однако, когда она уже была готова высказаться, профессор начинал интересный разговор, и Ольга переключалась.

– Ты умеешь сдерживать свои эмоции, – однажды сказал профессор. – Это очень хорошо. Плохо, что ты не слишком быстро переключаешься. Получается натянутость, что несвойственно девушке – беззаботной и легкомысленной.

– А почему я должна быть беззаботной и легкомысленной? – удивилась Оля.

– Потому что у тебя такой образ: простушка, «инженю» по-французски. И еще ты думаешь очень заметно. На лице видна работа ума. Это плохо.

База, именно так называл куратор дом, где обитала Оля, делилась на две части. В одной жила Оля и русские женщины, весьма неприятные, которые оживали, вернее, преображались, только когда появлялись мужчины.

– Ты довольна соседством? – спрашивал куратор при женщинах.

– О, да! – неизменно отвечала Оля, ласково улыбаясь теткам. – Мы уже подружились. Мне все так помогают!

– Вот и отлично. Попробуй сыграть сегодня роль гостеприимной немецкой хозяйки, к которой пришли неожиданные и такие желанные гости, но помни при этом: *der Gast ist wie der Fisch, er bleibt nicht lange frisch*².

– *Ein froher Gast ist niemands last*³, – нашла Оля.

Она начала улыбаться и хлопотать, вспоминая, как делала это Матильдочка, когда после командировки домой возвращался отец, но потом спохватилась.

– Простите, но это абсолютно не принято там.

– Умница, – хвалил куратор. – Молодец. Теперь давай посмотрим немецкие фильмы. Твоя задача не только все понять, но и вести себя за просмотром как подобает немецкой девушке. А потом ты перескажешь фильм, предположим, нашей буфетчице, так, чтобы она все поняла.

Оля пересмотрела десяток фильмов, поражаясь красоте съемок и банальности сюжетов. Теперь каждый вечер она пересказывала очередной тетке какой-нибудь фильм, не забывая в конце добавить, что все это враги, которые так удачно маскируются под хороших людей.

² Гость, как рыба, свежим остается недолго (нем.).

³ Довольный гость ни для кого не обуза (нем.).

Добрались и до Закона Божьего, до отличий католицизма от лютеранства и пришли к выводу, что Оля должна позиционировать себя католичкой.

– Большинство немцев на самом деле католики. Не яростные, но весьма ревностные. Сам фюрер – католик. Поэтому будет проще ходить на мессы, чем в другие церкви.

«Спасибо, Матильдочка, и тебе, и твоим молитвам. – думала Оля ночью. – Не зря ты училась при монастыре. Меня подготовили ко всему, только не к жизни в Москве».

С другой стороны, институтская жизнь с бесконечными собраниями абсолютно не привлекала девушку.

«Sei es wie es Sei!»⁴

Начались занятия по топографии. Вел их сам куратор.

– Вот точка в Москве. Даю тебе пять минут. Найди кратчайший путь.

Задание показалось интересным, и решение пришло само собой. Когда Ольга научилась находить тайники в самых укромных местах, ее выпустили в Москву, где она должна была передать записку.

– Повтори задание, – сто первый раз предлагал куратор.

– Не привлекая внимания добраться до Москвы, найти Борисоглебский переулок, дом четыре, квартира два, второй этаж. Убедиться, что за мной не следят. Правая часть среднего окна должна быть зашторена. Это знак, что заходить можно. Пароль: «вам случайно не принесли мою почту». Ответ: «нет, вы ошиблись, я давно ничего не получал». Отдать записку и уйти, – отбарабанила Оля.

– А если штора не на месте?

– Подойти через час.

– Утром выезжаешь.

– Мне откроет мужчина или женщина? – спросила Оля.

– Неважно. Но если ответ на пароль не прозвучит, ты должна уходить. Смотри, чтобы не было слежки. Записку...

– Съем с аппетитом, если что-то пойдет не так. Я поняла.

– Действуй!

Когда Оля уже лежала в постели, к ней тихонько постучали.

Вошла комендантша, потопталась у порога и протянула две папиросы.

– Возьми завтра с собой. Пригодится.

Утром Ольга убедилась, что папиросы набиты травой. А в одной была еще и вложена записка с цифрами.

«Вот гадость! И что мне делать? Порвать? А вдруг это и есть записка? Оставлю – скажут, что шпионка. Что делать?»

Оля приняла единственно верное решение: высыпала содержимое папирос в горшок с цветком, туда же зарыла и записку. А две настоящие папиросы украла у сторожа, пока он, сняв полушубок, пил чай под лестницей.

– Вот записка, Оля. Ты готова? Вперед, – скомандовал куратор после завтрака.

И Оля побрела к шоссе, потому что поняла: на станции ее будут ждать.

До города ее подвез на грузовике какой-то паренек. На автобусе добралась до центра. Немного поколесила и подошла к заветному дому. Все окна были плотно зашторены.

Только через час картина изменилась и окна приняли «правильный» вид.

Оля решила. Она медленно поднималась по бревенчатым ступеням – в народе их называли «сломай ногу». Каждый шаг давался с трудом.

Дверь ей открыл Олег Михайлович, тот самый, что вместе с немкой устроил ей первый экзамен.

⁴ Будь что будет (*нем.*).

– Вам случайно не принесли мою почту? – весело спросила Оля.

– Ты чего, Оля? Какая почти? Заходи. Чаю попьем.

– Простите. Значит, почтальон ошибся. Мне сказали, что мои газеты по ошибке вам отнесли.

– Ладно, Оля. Молодец. Давай записку.

– Простите, гражданин, я вас не понимаю.

И Оля опрометью бросилась к лестнице, буквально скатилась с нее. На улице, стараясь не бежать, шла не оглядываясь до трамвайной остановки, где стояли люди.

«Там точно не тронут, – думала она, но, увидев черную легковушку у обочины, испугалась и зашла в магазин. – Так. Два выхода. Примерю туфли...»

Когда в магазин зашли двое мужчин, Оля уже стояла у зеркала.

«Это за мной. Что делать? Так, записку надо съесть. Она огромная. Что делать?»

Оля облизала ладошку и, развернув бумагу, провела по ней. Ладонь окрасилась фиолетовыми чернилами, текст был испорчен.

Потом она вышла из магазина и в последнюю минуту влетела в трамвай, где немного перевела дух. Вышла через две остановки и пошла пешком на вокзал.

«Отстали, – подумала Оля, дожидаясь электрички. – Выйду заранее, пойду пешком. Или проеду лишнюю. Еще не знаю. *Aller Anfang ist schwer*»⁵.

Она плутала по железной дороге до сумерек. И только надвигающаяся темнота заставила ее пойти на базу.

– Докладывай, – коротко приказал куратор.

– Задание не выполнила. Записку уничтожила.

– Общайте ее, – приказал куратор комендантше и отвернулся.

– Снимай платье, лифчик. Где папиросы?

– Какие? – делано удивилась Оля. – Те, что вы мне вчера дали? Съела вместе с запиской, что в них была.

– Хорошо. Достаточно.

Куратор рассмеялся.

– Почему не доложила, что нашла в папиросах шифровку? Почему, вообще, не рассказала о том, что тебе что-то дали?

– Думала, что это часть вашего плана.

И Оля начала подробный рассказ. У нее уже слипались глаза, но куратор все спрашивал и спрашивал. Оля не говорила главного – в явочной квартире она встретила Олега Михайловича.

– Ладно. Иди спать.

И она покорно побрела к себе.

– Олечка, я вам чаю заварила. Попейте. До утра далеко. И не обижайтесь на меня. Мне приказали – я выполнила. Служба такая, – комендантша говорила сладким голосом.

– Я понимаю. Конечно. Спасибо за чай, – прошептала Оля, сжимая от ярости кулаки. – Пойду душ приму. Пусть пока чуть остынет.

После душа Оля вылила чай в цветок и легла спать.

– Лучше поголодать, чем из твоих поганых рук что-то принять, – шептала она в темноту.

Сон слетел с нее – возбуждение было слишком велико. Через какое-то время дверь в ее комнату открылась.

– Спит она, не волнуйтесь. Все до капли выпила.

Это был голос комендантши.

– Хорошо. Ищи записку.

Это был куратор.

⁵ Лиха беда начало (нем.).

«Отлично! – подумала Оля. – Усыпили, как собаку, а теперь ищут эту бумажку. Не найдете. Не позволю!»

Она включила настольную лампу и громко сказала, почти крикнула:

– Achtung!⁶ В доме воры! Марш отсюда. И без стука не входить!

Куратор рассмеялся.

– А ты умнее, чем кажешься, детка. Спи. Пойдем, Маша. Угостишь меня чаем. Нам здесь не рады.

«Маша... – подумала Оля, – у нее, оказывается, есть имя».

Проснулась она только к обеду, и ее снова вызвали к куратору.

– С заданием вы справились. Я был уверен, что вы среагируете на Олега Михайловича.

Оля молчала.

– Кстати, где шифр?

– В цветке, – буркнула Оля.

– Это неправильно. Цветы сразу переворачивают. Придумай что-то другое. И так?

– Запомнить? – рискнула предположить Оля.

– Да. Это надежнее. Но когда угроза минует, снова записать. Ты помнишь, что было в записках?

И снова начались учебные будни. Только теперь к профессору добавили рукопашный бой и обольщение, стрельбу и фотографию, вождение машины и бег...

– Значит так, – начал занятие небольших размеров дядечка. – Твоя задача не только отбиться от противника, но и, пардон, платье не попортить. Ферштейн?

– Это как?

– Это так, что будешь заниматься в туфлях и при полном параде, – не обращая внимания на Олино удивление, продолжал мужчина. – Куда надо ударить? Смотри внимательно...

«Обольщение» проходило не менее забавно.

– Давай краситься подручными средствами. Что у тебя всегда должно быть с собой?

И так изо дня в день.

Наибольшие сюрпризы преподносил профессор. Например, Оля иногда сознательно ошибалась. Профессор не исправлял.

«Как это странно, – думала она вечерами, – почему не поправляет? Нарочно? Или не замечает?»

Через четыре месяца куратор вызвал ее для беседы.

– Скажи, Оля, ты понимаешь, к чему тебя готовят?

– Думаю, да...

– И?

– Разведка, – выдохнула она.

– Какая догадливая! Твоя специализация еще не совсем ясна. И острой нужды в тебе тоже пока нет. Поэтому шлифуй язык. Начнем углубленно разбирать карты. А там посмотрим.

Женщина, которая вела «обольщение», была крайне сдержанна в оценке Олиных способностей.

– Задание на сегодня. Поцеловать в щеку всех мужчин на базе. Напоминаю, губами. Быстро. Словно клюешь. Телом не прижиматься.

Оля поцеловала профессора, куратора, тренера по стрельбе и сторожа. Все восхитились.

– Что ж, молодец, – наконец похвалила «обольстительница». – Теперь дай понять мужчине, что он тебе нравится. Руку на предплечье и перебери пальчиками. Но только один раз. Повтор – свидетельство нервозности. Если почувствуешь, что мужчина напрягся, – ты у цели. Но становишься уязвимой. Живот втяни. Будь готова...

⁶ Внимание! (нем.)

На базе в другом крыле жили и другие люди, но о них можно было только догадываться. Занятия составлялись так, что только запах, чужой запах давал представление о присутствии людей.

Обслуга Оле больше не досаждала. Тетя Маша старалась даже угодить. Исключение составляла только буфетчица. Это был особый случай. Часто во время разговоров с куратором Оле казалось, что эта красивая полногрудая женщина стоит за дверью. А еще один раз она видела ее с профессором в беседке.

«О! Да у них любовь, – подумала она. – Как здорово!»

Профессор обнимал женщину и что-то тихо приговаривал. По крайней мере, губы шевелились. Олю они не видели.

При очередном посещении Москвы Оля снова встретилась с Олегом Михайловичем.

– Ты молодец. Все сообразила правильно. Поздравляю с крещением.

Он помолчал.

– Я хочу тебя предупредить. Понимаешь, в нашем деле очень важно, как ты сам готов выполнить задание. Никто не может этого знать. Только ты. Поэтому, если чувствуешь неуверенность, боишься, еще что-нибудь – честно откажись. Ты не штучный товар.

– Не знаю. Наверное, да. Просто...

– Просто поверь мне на слово. Все взвесь. Первое задание, обычно, бывает пустячное. Проба пера. Но все бывает. Проси запасной пароль, еще один выход. Выспроси все. Не стесняйся. Руководству часто кажется, что всего-то делов: зашел в лес и вышел. Куда? В город? Где взять одежду? Связной – кто? Если не пришел, что делать? Сколько ждать? Что потом делать? Понимаешь?

– Не совсем, – честно ответила Оля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.